

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СБОРНИК РАССКАЗОВ НАТАЛЬИ МИЛЯВСКОЙ

ВСЕЛЕННАЯ НОМЕР ДВА

Наталья Милявская
Вселенная номер два

«Автор»

2023

Милявская Н.

Вселенная номер два / Н. Милявская — «Автор», 2023

Представьте, что вы смотрите мини-сериал. Вас ждут 13 странных историй, которые вполне могли бы случиться с любым из нас. Что, если лифт в новостройке затянет вас в пространственную петлю? Что, если магические часы в сувенирной лавке изменят вашу жизнь? Что, если симпатичная девушка в метро окажется монстром? Что, если случайный попутчик заставит вас навсегда покинуть вашу Вселенную? Что, если вы поймете, что вам слишком понравились эти новеллы?.. Листайте страницы, включайте воображение, а я расскажу вам несколько странных, страшных историй...

© Милявская Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Дитя	5
Маркер	11
Мадонна с младенцем	19
Вселенная номер два	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Наталья Милявская

Вселенная номер два

Дитя

После работы Вера решила забежать в магазин и надолго застряла в отделе мороженых продуктов, размышляя, взять на ужин пачку ризотто с грибами или все-таки заморочиться с курицей. В голове всплывали обрывки давешнего разговора с начальством, недовольное лицо нового главы департамента маркетинга, который, похоже, только и думает, кого бы сократить, собственные, вялые оправдания из-за просаженных сроков сдачи бизнес-плана по новому проекту... Вера поймала себя на том, что уже минут пять перечитывает состав на пачке замороженных овощей, не понимая ни слова. К черту овощи! И курицу туда же. Закажут с Сашкой пиццу.

Веру сунула овощи обратно в холодильник и краем глаза зацепила странную девицу, которая, стоя у прилавка с мороженой рыбой, с необъяснимой нежностью смотрела на упаковку с замороженными кальмарами. Когда Вера прошла мимо, она увидела, что девица, запустив в холодильник тонкую руку, осторожно трогает кончиками пальцев проступающую сквозь полиэтилен и слой ледяной глазури кальмаровую тушку. Весна – время сумасшедших.

Весна, к слову, в этом году едва тянула на троечку. Уже середина апреля, а Вера все еще носит зимние ботинки. Не определившись, температура которую неделю дрейфовала около нуля, по утрам окрестности засыпало мерзкой ледяной крупой, которую не в силах было растопить квелое столичное солнце. Собственно, «около нуля» болталась и совместная с Сашкой Верина жизнь. Три года вместе, а словно тридцать три. Редкий секс, молчаливые совместные ужины. Общению с Верой Саша все чаще предпочитал собственный ноутбук. Раньше, стоило Вере встретиться с Сашкой взглядом, как между ними начинал искриться наэлектризованный воздух, и они немедленно оккупировали ближайшую поверхность, чтобы предаться веселому разврату. А еще они раньше шутили и хохотали без умолку, гуляли до боли в пятках по городу, смешивали коктейли, устраивали дружеские вечеринки, гоняли на выходных в городки ближайшего Подмосковья... Постепенно веселье сошло на нет, и теперь между ними все было спокойно и предсказуемо. Как в гробу. Может быть, именно так и выглядит хваленая семейная стабильность?

Размышляя про стабильность, Вера почти лицом налетела на странную ограду, которая перерезала надвое привычный ее путь домой, пролегающий между гаражами. На ограде значилось лаконичное: «Работает Водоканал», и сам Водоканал в количестве трех огромных, выкрашенных в тревожно-оранжевый цвет машин и десятка серьезных человечков в светоотражающих жилетах действительно работал. Шумели насосы, переругивались суетящиеся возле открытых люков рабочие, кто-то надрывно просил в потрескивающую рацию «еще уплотнителей». Рядом с рабочими виднелось несколько человек в черной униформе, а поодаль была припаркована странная, наглухо тонированная машина с неуклюжей конструкцией на крыше, похожей на небольшую спутниковую антенну.

– Анафема! – крикнул возмущенный голос. Вера обернулась – вместе с ней на суетливую команду с неудовольствием взирал сосед, сухопарый дядька неопределимого возраста, чей подбородок порос редкой жесткой седой щетиной. Сосед проживал на два этажа ниже Веры и каждый вечер выводил на прогулку такую же старую, покрытую седыми жесткими волосами таксу.

– Трубу прорвало! А эти криворукие полдня возятся, а толку ноль. Воду горячую теперь ко второму пришествию дадут, – клекотал сосед.

Отлично! Только отсутствия горячей воды Вере не хватало.

– Какую трубу?? – внезапно материализовалась из воздуха другая соседка, коренастая Светлана Тимофеевна из сто сорок четвертой. – Это канализацию заминировали! Террористов ищут!

Вера смущенно глянула в круглое, как блин, почти не тронутое морщинами лицо – Светлана Тимофеевна была серьезна, как никогда, и озабоченно оглядывала обширный фронт водоканальных работ.

Внезапно вечерний воздух прорезал истошный женский крик.

– Пустите! Там мой ребенок!

Трое у ограды – Вера, седой сосед и Светлана Тимофеевна – резко повернулись на звук и увидели, как парочка людей в черном оттаскивает от люка девушку лет тридцати. Девушка билась в крепких руках, рыдала и всё повторяла: «Он меня ждет! Он там!», пытаясь, по всей видимости, прыгнуть с разбега в люк. Странно, но Вера вдруг узнала в перепуганной девушке ту самую особу, которая только что, в рыбном отделе, гладила замороженных кальмаров.

– Сумасшедшая, – почему-то вслух произнесла Вера.

Соседи согласно кивнули.

Рыдающую девушку споро усадили в черный автомобиль, и машина тут же пропала в стремительно сгущающихся сумерках.

Вера вдруг поняла, что чертовски устала. А теперь еще тащиться домой по длинной дороге, которая пролегалa через два соседних двора. Развернувшись, она пошла от ограды, мгновенно забыв о людях из Водоканала и странной любительнице головоногих моллюсков, снова погружившись в размышления о своих невеселых делах на работе... Выйдя из дребезжащего лифта на своем этаже, Вера мечтала только об одном – быстренько принять душ, наскоро перекусить и завалиться спать.

У Сашки, впрочем, были на этот вечер совсем другие планы...

Как только Вера открыла дверь, из глубины спальни к ней шагнула высокая черная фигура, полностью затаенная в латекс. Вера, обомлев, уронила на пол сумку. Фигура, у которой не было видно, кажется, даже глаз, протянула руки и крепко обняла Веру. Длинный горячий язык проник в ее ухо.

– Дурак! – хихикнула Вера.

Не произнеся ни слова, черная фигура втащила ее в спальню и повалила на кровать.

Усталость как рукой сняло. Вера едва успела сбросить туфли, как Сашка стащил с нее трусики и резко вошел сзади, придавив к кровати властной рукой. «Ого, как в роль вошел!» – думала удивленно Вера, пока Саша жестко трахал ее, едва давая вздохнуть. Ей вдруг показалось, что даже член у него стал длиннее – может, он использует какую-то насадку?

Фигура в черном крутила ее, не спрашивая, нравится Вере или нет. Ошеломленная, она почувствовала, как тяжелая ладонь несколько раз жестко шлепнула ее по заднице. Раньше Саша себе такого не позволял! «Больно!», хотела крикнуть Вера, но внезапно ее накрыл такой мощный оргазм, что она вообще забыла, как произносить слова. Задохнулась, провалилась на несколько мгновений в яркое колыхающееся марево, мерцающее огнями. Успела подумать, что такого ослепительного фейерверка во время секса она еще не видела. И спустя мгновение забылась глубоким сном.

Проснулась уже поздно вечером. Поняла, что так и лежит на кровати в одежде, с задранной юбкой, прикрытая сверху одеялом. Хмыкнула, сладко потянулась. «Умеет же, когда хочет!», пронеслось у нее в голове. И в ролевые игры, и в БДСМ. Вера приподнялась с кровати – в теле еще чувствовался приятный отзвук недавнего оргазма – переделась в домашнюю пижаму и выглянула в зал.

Сашка, как ни в чем не бывало сидел за компьютером, как всегда, залипая на свою любимую научно-познавательную хрень в Интернете. Вера подошла, сняла с него наушники.

– Ну ты затейник! – сказала она, поцеловав Сашку в губы. Тот с недоумением глянул на нее снизу вверх.

– Ты о чем?

Вера помедлила, взгляделась в лицо мужа – вот ведь, засранец, сидит с таким наивным видом, словно ничего и не было! – и лукаво улыбнулась.

– Ни о чем! – и Вера, игриво хохотнув, ушла заказывать пиццу.

Ночью ее буквально подкинуло на кровати – еще во сне она почувствовала нарастающую резкую боль в животе, а когда проснулась, поняла, что это ей не снится. Резь была просто чудовищной, живот вздулся. Чертова пицца – они явно сунули туда несвежую говядину! Господи, хоть бы до туалета успеть! Вера скатилась с кровати и рванула вон. Едва успела прикрыть дверь и с облегчением опуститься на стульчак – как из нее полилась отвратительно пахнущая жижа. Вера глянула вниз и задохнулась от ужаса – жижа была абсолютно черной!

Склизкие воняющие чернила извергались из ее тела бурным потоком, который и не думал утихать. Вера с омерзением смотрела вниз, пытаясь проснуться – не может же это происходить с ней на самом деле?

Внезапно внутренности словно пронзили раскаленным прутом. Вера едва сдержала крик, схватилась за сушилку для полотенец. Еще секунда, и она потеряет сознание. И в этот момент, когда покрытая холодным потом Вера на трясущихся ногах пыталась сделать глубокий вдох, из ее промежности показалось темно-фиолетовое блестящее щупальце! Окаменевшая Вера смотрела на толстый извивающийся отросток, шевелящийся у нее между ног. Потом внутренности снова скрутило в узел, и из Верино тела выбралась наружу и шлепнулась в полный жижи унитаз темная склизкая тварь.

Вера замерла. Черный поток, хлеставший из ее тела, резко иссяк. Боль отступила. Вера сдернула с крючка полотенце, сунула его себе между ног и осторожно склонилась над унитазом. Темная жижа недвижимо стояла почти вровень с ободком.

Запах, который источала жидкость, был тошнотворным – ядреная смесь мазута и тухлой селедки, к которой примешивался странный, едва различимый сладковатый медовый аромат... Вера почувствовала, что ее сейчас стошнит. Она отчаянно желала, чтобы тварь была плодом ее воображения. Вера ударила себя по щеке. Ну же! Просыпайся! И тут жижа вспучилась, и тварь показалась над поверхностью.

Это был осьминог. Глянцевую продолговатую голову венчали шевелящиеся в воде толстые щупальца. Черная окраска желеобразного тела внезапно поменялась, и тварь, словно засветившись изнутри, стала неоновой-фиолетовой, покрывшись ярким контрапунктом желтых пятен. Чувствуя, что сходит с ума, Вера разглядывала существо в унитазе – нет, это не осьминог! Разве бывает у осьминогов сразу шесть глаза, как у паука? Или сколько вообще у паука глаз? И как это омерзительное создание смогло вылезти из ее тела?

Когда она уже проснется?

Существо дернулось и взметнуло вверх сразу три щупальца. Вера успела отпрыгнуть – осьминог явно хотел схватить ее! С бешеным криком Вера опустила крышку унитаза и прихлопнула тварь, рвущуюся наружу. Прижала подпрыгивающую крышку коленом и нажала на слив.

Тварь была сильной, она билась изнутри, пытаясь выбраться, но Вера навалилась на крышку изо всех сил и жала и жала на слив, чтобы чудовище засосало в канализационную трубу. Наконец толчки из-под крышки прекратились, но почти сразу заколотил в дверь Сашка.

Вера вывалилась ему на руки и начала сбивчиво рассказывать про черную жижу, про тварь, которую она только что родила в туалете, про отвратительные щупальца... Сашка, дико

глянув на Веру, отодвинул ее в сторону, поднял крышку и заглянул в унитаз. Внутри не было ничего – унитаз был абсолютно пуст и чист.

Вера ошеломленно осматривала белую глянцевую поверхность. Даже капли от черной жижи не осталось! В груди бешено колотилось сердце.

– Это сон, – буднично сказал муж. – Мне тоже иногда такое приснится!.. На работе пахать надо меньше.

Растерянная Вера слабо кивнула и, опираясь на руку мужа, пошла в спальню.

Когда она проснулась, Саши уже не было. Вера позвонила на работу, взяла выходной и провалялась в постели до обеда. Состояние было разбитое, как при начинающейся простуде. В теле чувствовалась ломота, и даже температура немного поднялась – до 37-ми. Вера выпила зеленого чая, какое-то время бесцельно слонялась по квартире, а потом улеглась на диван в зале и включила телевизор.

Блуждая по каналам, Вера прислушивалась к себе – ночной сон был таким ярким, что окружающая ее действительность теперь казалась слишком блеклой и обыденной. Даже очертания собственной квартиры почему-то казались ей нереальными. У нее действительно переутомление! Надо будет попить витаминов. Вера переключилась на очередной канал и зависла. В экране, вальяжно покачивая щупальцами, медленно плыла огромная каракатица.

Ведущий фоном рассказывал что-то о особенностях брачного периода этих особей, а Вера, не отрываясь, смотрела, как парило в воде удивительное существо. Каракатица светилась изнутри, переливаясь от темно-фиолетового до светло-голубого, а вдоль тела трепетал тонкий плавник. Резко развернувшись, каракатица вильнула щупальцами, словно подала Вере какой-то знак, а затем глянула темным щелевидным глазом в самую глубину смятенной Вериной души.

«Какое восхитительное существо!», думала Вера со странной смесью ужаса и нежности. Ей захотелось протянуть руку и погладить бархатистую кожу каракатицы. Дотронуться до ее плавников. Почувствовать, как существо обвивает ее палец щупальцами, словно маленькой ручкой...

Каракатицу на экране сменила заставка рекламы, и Вера переключила канал.

– ...никакими обстоятельствами убийства беззащитных детей оправдать нельзя! – грозно изрек неизвестный священнослужитель в темной рясе, сидящий за столом и строго глядящий в камеру. – Ни до, ни после рождения. Таких грешников поглотит геенна огненная!

Вера съежилась – кажется, дядька с седой бородой ткнул пальцем прямо в нее, в Веру! На глазах навернулись слезы, стало тесно в груди. Вера выключила телевизор. Случайно глянула вниз и обомлела – ее домашняя футболка промокла и прилипла к телу. Что за ерунда? Вера вскочила, подошла к зеркалу – вокруг сосков растеклась темная жидкость.

Подкатила тошнота. С омерзением сдернув с себя футболку, Вера рванула в ванную, включила душ, влезла под воду. Начала остервенело оттираться мочалкой. Грудь была тугой, набухшей. Да что с ней такое? Может быть, это первые симптомы рака?

Вдруг Вера замерла с мочалкой в руке. Это же молоко! Для ребенка, которого она сегодня ночью выбросила в канализацию! Существо в унитазе не хотело ее схватить! Оно пыталось ее обнять! Это был ее ребенок, а она от него отказалась! Вера была почти стопроцентно уверена, что это мальчик.

Она выскочила из ванной, едва не поскользнувшись, подняла крышку унитаза и сунула руку в воду. Пытаясь пропихнуть ладонь как можно глубже, она скребла пальцами стенки изогнутой трубы, пытаясь нащупать – может быть, он там, за изгибом, застрял в сливе?

Боже, какая холодная вода. Он же там умер! Задохнулся! Это она тварь – безжалостная, бессердечная, отправившая живое существо во тьму канализационных труб.

Вера вытащила руку и зарыдала, привалившись к унитазу. Она убийца. Убийца! Она достойна Геенны Огненной!

И вдруг, даже не ушами, а кожей она услышала далекий зов. Мерный протяжный звук на каких-то неведомых частотах прокатился в глубинах невидимых труб и завибрировал в кафеле, в стенах, в фаянсовом корпусе раковины.

Он жив! Он где-то там, во тьме, совсем один! Но она найдет его. Найдет и спасет!

Кое-как одевшись, Вера выскочила на улицу. Ноги в хлипких домашних тапочках мгновенно промокли, но она этого не ощутила. Замерев, она смотрела вокруг – мир изменился!

Закатное небо было ярко красным. Не таким, каким бывает небо накануне ветреного дня – оно было красно-оранжевым, с яркими прожилками темно-бордовых облаков. Это небо нарисовал на картоне Эдвард Мунк. Деревья, качаясь, издавали мерное жужжание, ветер вытягивался в трубчатые светящиеся закорючки и обвивал ноги Веры. Она растерянно осматривалась по сторонам – почему она раньше не замечала, как на самом деле выглядит реальность? Или просто она теперь воспринимает её иначе?

Очнувшись, Вера кинулась через дворы к тому самому месту, где видела вчера машины «Водоканала». К счастью, вокруг открытых люков по-прежнему работали коммунальщики. Они перегородили почти всю дорогу, сняли крышки нескольких люков сразу и о чем-то озабоченно переговаривались. Тут же виднелся строй огромных, выкрашенных в темно-зеленый цвет грузовиков, людей в черном прибавилось, а кое-где были видны группы молодых парней с оружием и в камуфляже. «Как странно! – думала Вера, – зачем «Водоканалу» военные?».

Остановившись у ограды, она глянула в черный проем ближайшего открытого люка, и у нее заныло в груди. Пространство внутри было не черным, оно было темно-фиолетовым. В глубине, незримый, пульсировал зов, и его вибрация волнами расходилась в воздухе. Оно там, ее дитя, ждет свою мать во тьме, и волны текущих под городом вод баюкают его.

Отодвинув секцию ограждения, Вера проскользнула внутрь и спустила ноги в люк. Но только она хотела юркнуть вниз, как ее схватили крепкие мужские руки.

– Куда? Дура!

Какой-то мужчина в черном, с рацией и непонятной эмблемой на униформе, тащил ее из люка. К нему уже спешил напарник, такой же черный и безликий.

– Пустите! – заорала Вера. – Там мой ребенок!

– Еще одна, – со злостью произнес человек с рацией. – В машину ее пакуй.

Он, словно куклу, передал ее в руки напарника. Разъярившись, Вера боднула парня лбом, вырвалась, оставив в руках преследователя легкую куртку и прямо в пижаме рванула во дворы.

Бежала долго, не понимая куда, петляла, путая следы и, наконец, остановилась в совершенно незнакомом месте. Осмотрелась. Спортивная площадка, длинный жилой дом, стоянка автомобилей. Вокруг не было ни души. И вдруг Вера снова почувствовала зов. А потом заметила – буквально в двух шагах – незакрытое отверстие люка, зияющее в асфальте. Счастливая, кинулась к нему и мгновенно спустилась вниз, словно делала так сотню раз.

Ей не нужны были фонарик или лампы, чтобы найти нужный путь – Вера просто шла в темноте, касаясь стен и чувствуя кончиками пальцев зов. Пробиралась по узким лабиринтам ходов и спускалась еще глубже по ржавым лестницам подземных коммуникаций. Шум воды становился все громче. Наконец, стены узкого лаза, по которому Вера брела последние несколько минут, расширились, и она спустилась из круглого тоннеля в огромный, подсвеченный невидимыми лампами бетонный зал. Прошла по влажному полу несколько шагов и увидела, наконец, водоем.

Огромный квадратный бассейн уходил вдаль и терялся в полутьме бесконечного зала. В бассейн с грохотом низвергалась вода из больших труб. В воде Вера уловила движение гибких

щупалец. Задохнулась от счастья – он здесь, он жив! – а потом поняла, что ее ребенок там не один. Их там много! Вода кишела скользкими юркими телами, непрестанно менявшими цвет. Они ждут ее. Они все – ее дети!

Вера вдруг заметила светлую фигурку, вошедшую в зал из другого тоннеля. За ней показалась еще одна. Две молодые женщины растерянно осмотрелись и почти сразу кинулись к водоему. Жидкость в водоеме забурлила, и на поверхности появились десятки голов и сотни щупалец. Восторженная Вера поняла – не одна она стала матерью удивительного существа. Их много! К бассейну стекались все новые женщины, выбираясь из темных переходов и узких тоннелей. Теперь у них будет новая большая семья!

Внезапно вспыхнули ослепительные прожекторы, отовсюду появились бегущие вооруженные люди, и громкий голос, многократно умноженный бетонным эхом, скомандовал:

– Огнеметы наизготовку!

Воздух потряс многоголосый женский вопль. У Веры перехватило дыхание – эти сволочи хотят убить новорожденных! Гнев и ярость захлестнули ее.

Перепуганные детеныши тянули к своим матерям щупальца из воды, испуганные женщины у бассейна пытались спуститься в воду. Люди в военной форме оттаскивали сопротивляющихся женщин в сторону. Воздух дрожал и плавился от неслышного вопля ужаса, который издавали шевелящиеся в воде существа.

– Не трогайте их! Они живые! – закричала Вера.

Игла сшибла ее буквально в воздухе – когда она была готова прыгнуть вниз, к своим детям, чтобы своим телом защитить их. Пару мгновений Вера еще двигалась по инерции, но потом ноги отказали, и она рухнула прямо у края бассейна, больно стукнувшись головой о стальные поручни. Последнее, что запечатлела ее память – огненный смерч, опрокинутый в воду, мельтешащие в пламени щупальца, какофония женских криков. Потом реальность превратилась в пылающий вихрь и погасла.

Вера почти всегда сидит на своей кровати, в углу палаты, не желая выходить вечером в зал для игр или гулять в парке. Если вы спросите у Веры, о чем она думает – Вера не ответит. В памяти ее нет ни бизнес-планов, ни лиц бывших коллег или друзей, ни дорогих когда-то сердцу вещей или платьев. Голова Веры пуста и гулка, и в ней по оранжевому небу ветер гонит светящиеся фиолетовые облака.

У Веры есть карандаши и большой альбом. Когда бы вы ни заглянули к Вере, она рисует на белых страницах маленьких милых осьминожков. А когда страницы кончаются, Вера начинает рисовать на стенах. От пола до потолка – маленьких милых осьминожков.

Маркер

Было уже почти половина двенадцатого вечера, когда Марат вышел из метро и нырнул в длинный пустой переход под проспектом. В наушниках звучал отличный английский эмбиент, желтые фонари вдоль стен подсвечивали путь световыми синкопами. Марат любил этот переход – всякий раз, когда он спускался сюда, ему казалось, что он стал героем олдскульного арт-хаусного клипа.

После смены в чебуречной гудели ноги и ныла спина, но в целом прошедшим днем Марат был доволен – смена выдалась довольно спокойной, а после подсчета выручки хозяин кафе, Аршак, неизменно придирчивый седой армянин, внезапно расщедрился и выделил Марату премию. Полторы тысячи – мелочь, но лишней она не будет. Можно будет вернуть косарь долга Сереге и заплатить за интернет. Но потом Марат вспомнил про курсовую, которую ему нужно сдать к завтра, и скривился – меньше всего на свете ему сейчас хотелось писать курсовую.

Завернув за угол, Марат ухватил взглядом черную надпись на бледном кафеле: «Зачем?». Хмыкнул – вопрос пришелся в тему. Курсовая была бессмысленной, по предмету, который ему наверняка в жизни не пригодится. Марат шагал дальше, но черные буквы на стене, особенно ехидно ухмыляющийся в конце вопросительный знак, зацепили его, как цепляется за одежду рыболовный крючок с куском оторвавшейся лески.

«Зачем?». Вопрос простой, но внезапно он вывел Марата из равновесия. Он уже и раньше видел на заборах, стенах домов и просто на асфальте нарисованные на разные лады «Зачем?», но только сейчас Марат задал этот вопрос самому себе по-настоящему – и аж замедлил шаг. Действительно! Зачем он вообще выбрал эту дурацкую специальность: «Биотехнические системы и технологии»? Он же не вывозит! Тупит на семинарах, как первоклашка, дремлет на лекциях, а потом несется подрабатывать в эту тошниловку у вокзала. Заискивает перед Аршаком, терпит шуточки повара Германа, продает маргиналам чебуреки с несвежим, неизвестно где купленным мясом... И все это за два косаря за полсмены? А курсовые он пишет ночами. А на заочное хрен переведешься – родители сожрут с рюкзаком и кроссовками!..

Марат остановился, обвел унылым взглядом длинный безлюдный переход, вынул из ушей наушники, прислушиваясь к гулкой холодной тишине. И удивленно хмыкнул. Тоска и апатия, так внезапно навалившиеся на него после прочитанного вопроса, схлынули без следа. Все у него нормально – и в жизни, и в универе. Надо только физику подтянуть. Чего он грузанулся?

Марат потряс головой – ему просто нужно выспаться! – снова вставил в уши наушники и, привычно попадая в сильную долю, зашагал дальше по переходу. И спустя буквально несколько тактов уперся взглядом в размашисто намалеванное на стене: «Смысла нет!».

Это простое утверждение буквально ввергло Марата в ступор. Он резко остановился, словно персонаж компьютерной игры, о котором забыл пользователь, и нахмурился. А ведь правда! Даже если он подтянет физику, смысла в этом никакого не будет! Ну, окончит он свой треклятый универ. Пойдет работать в какую-нибудь унылую контору. Получать три копейки, пахать за них практически круглосуточно. Снимет дешевую конуру, чтобы съехать от родителей. Женится – наверняка не по любви – потом, после череды скучных скандалов разведется, будет платить со своей крохотной зарплаты алименты. Подсядет на дешевый алкоголь, пропьет последние остатки интеллекта, посадит печень... А потом умрет. Помучается еще немного, походит по врачам и умрет. И в свете этого неминуемого финала любые, даже самые яркие, но быстротечные жизненные взлеты – которые, возможно, случатся в его короткой жизни – теряют всякий смысл!

Марат, кажется, даже перестал слышать музыку. Он потрясенно пялился в надпись, выведенную на ободранном кафеле. Бедный он, бедный! Как вообще жить, когда нет смысла? Даже реинкарнация, в которую Марат отчасти верил, теряла былую привлекательность. Навер-

няка, попадешь в такую же трясины. Умрешь – начнешь опять сначала, и повторится все, как встарь. Ночь, ледяная рябь канала, аптека, ипотека, бессмысленные любовные метания, болячки, попытки что-то доказать таким же мелким тщеславным паразитам, как он сам, а потом – улица, фонарь, смерть.

Уж Блок-то знал, о чем писал! Уж он-то с полнейшей бессмысленностью бытия был знаком не понаслышке!

Безысходность забралась под воротник и обхватила грудь Марата холодными свинцовыми пальцами. Он зажмурился и зарыдал.

Сотрясаясь в рыданиях, Марат чувствовал себя маленьким ребенком, которого взрослые заперли в темной комнате. Все ушли и забыли о нем, и нет никого, кто бы вызволил его из бесконечной тьмы! А потом... пришло облегчение! С закрытыми глазами Марата словно отпустило. Безысходность растаяла, причина, по которой он прослезился, показалась смехотворной. Что за ерунда? Чего это у него настроение скачет, как стрелка сейсмографа при землетрясении? Может, от учебы, работы и постоянного недосыпа у него начала ехать кукуха?

Марат вытер слезы, разозлился на самого себя, поглубже надвинул на голову капюшон, чтобы посторонние надписи не особо лезли в глаза, и зашагал по переходу. Завернул за угол, и наткнулся взглядом на надпись: «Танцуй!».

Твою мать!

Руки сами сдернули с плеча рюкзак и швырнули его на пол. Ноги в такт музыке начали выделывая странные фигуры – Марат с удивлением смотрел на собственные конечности, которые двигались помимо его воли! Чертыхаясь на весь переход, Марат проскакал туда-сюда, высоко задирая колени. Два раза глупо присел, как недоделанный солист народного ансамбля танцев. А потом голова предательски дернулась и начала раскачиваться из стороны в сторону – словно Марат был не человеком, а гипнотизирующей добычу коброй.

Он мысленно приказал себе остановиться – безрезультатно! Словно назло, руки его воспарили над головой и начали вырисовывать в воздухе волны и круги. Со стороны Марат наверняка был похож на наркомана, у которого начался жесткий приход.

Тело не слушалось, то снова шло впрысдку, то начинало извиваться змеей. Его мотало из стороны в сторону, пару раз взбесившийся организм даже попытался сделать сальто, но в отсутствии практики Марата хватило только на несколько дурацких прыжков. Он зажмурился, но это не помогло, туловище продолжало жить своей жизнью. Господи, надо как-то остановиться!

После очередного па голова его задралась к потолку, и он увидел на низкой белой поверхности надпись: «Стой!».

Марата мгновенно отпустило. От неожиданности он рухнул на жесткий пол и несколько секунд лежал обессиленной тряпичной куклой. Сердце бахало кузнечным молотом, подмышки взмокли. Поднявшись, он осторожно, стараясь не смотреть в сторону надписи: «Танцуй!», подобрал рюкзак, повесил его на плечо, отряхнул одежду. Похоже, Марат окончательно спятил. Завтра с утра ему не в университет надо бегом, а к мозгоправу!

Сунув в карман наушники и стараясь смотреть только себе под ноги, Марат осторожно добрал до очередного поворота извилистого перехода, и почти у самой лестницы, ведущей вверх, увидел тощую фигурку в безразмерной куртке с капюшоном. Какой-то подросток увлеченно писал на стене очередное слово. В руке его был толстый черный маркер.

Так вот кто оставляет на стенах треклятые послания!

Марат медленно прошел мимо, но не удержался и в последний момент глянул на слова, выползающие из-под руки неизвестного парня. «Соси мой...». Марат бросился на тощего пацана, мгновенно сбил его с ног и выхватил из руки горе-писака маркер.

– Охренел? – взвыл парнишка.

Марат, прижав того к полу собственным телом, победно повертел маркер в руках.

– Ты знаешь, сколько дают за вандализм?

– За что? – попытался выхватить у него из рук маркер парень, злобно сверкая глазами. Но Марат с легкостью вывернул неприятелю руку. На вид пацану было лет тринадцать-четырнадцать.

– За то, что ты хрень всякую на стенах пишешь! Это хулиганство, понял?

– Я несовершеннолетний, мне ничего не будет, – ухмыльнулся парень.

Вот ведь засранец!

– А если я напишу тебе на лбу слово «лох»? – ехидно поинтересовался Марат.

Подросток мгновенно побледнел.

– Не надо! Пожалуйста! – прохрипел он.

– Смотри мне! – погрозил Марат. – Всё, быстро домой! – поднимаясь, он сунул маркер в карман джинсов.

– Отдай, мудила! – потребовал подросток, пытаясь выхватить заветный маркер и кружа вокруг Марата, как маленький оскаленный хищник.

Не испытывая никакой жалости, Марат отвесил ему хорошего пинка, и пацан пропал за поворотом перехода.

«Ну, допустим, – думал Марат, сидя на лавочке темной ободранной остановки и вертя маркер в руках, – Допустим, это психосоматика». Он переутомился, и поэтому воспринимает надписи как команду. Вот – самое простое и логичное объяснение. Вряд ли в этой Вселенной существуют волшебные маркеры. Но почему тогда другие надписи не вызывают в нем подобного отклика?

За пару минут на обклеенной рекламными листовками и исписанной похабными надписями остановке, Марат успел прочесть бесчисленное количество слов, полубодренных объявлений и полустертых ругательств. Самым свежим и ярким был рекламный плакат местного банка – но даже трижды, медленно и вдумчиво прочтя призыв взять потребительский кредит под двенадцать процентов, Марат никаких изменений в себе не почувствовал. Желания бежать в ближайшее отделение, стучаться в закрытые двери или немедленно подать заявку на кредит на сайте банка не возникало. К надписям, типа: «Пошел на х..!», «Антихрист среди нас» или «Ищешь работу? Тебе к нам!» психика также осталась равнодушной.

Возможно, дело не в том, что написано, а чем!

Марат снял с маркера колпачок, рассмотрел его внимательно – маркер как маркер. Чуть истертый носик – видимо, пацан успел изгадить надписями не один переход. На корпусе – несколько китайских иероглифов и криво напечатанная надпись: «Permanent Marker waterproof». И все! Ничего необычного. Марат поставил маркером точку на подушечке указательного пальца. Глянул на получившуюся черную отметину. Закрыв маркер колпачком.

Сейчас или никогда! Ему просто нужно провести один маленький эксперимент – чтобы потом не жалеть, что он не проверил странную и фантастическую догадку о сверхъестественной силе крохотного маркера. А если догадка – чушь собачья, он пойдет домой, отсыпаться. И к черту курсовую!

Повертев маркер в руках, Марат придирчиво осмотрел стену остановки – подходящего места для проведения эксперимента на ней не было. Взгляд его упал на освещенный зев подземного перехода, из которого он вышел несколько минут назад. Поколебавшись, Марат вернулся к переходу, спустился на несколько ступеней вниз и, подумав, осторожно вывел на гладкой кафельной поверхности слово: «Деньги».

Что еще он мог бы написать? «Мир во всем мире?». Ну уж нет! Если в его руках волшебная палочка, пользоваться ею он будет исключительно в собственных интересах.

На мгновение Марат словно вернулся в детство – в тот ранний период, когда ты вообще не сомневаешься, что Дед Мороз реален, что игрушки могут разговаривать и ходить друг к

другу в гости, пока ты спишь, а окружающий мир полон загадок и тайн. Он смотрел на слово «Деньги» и на самом деле верил в чудо.

Потом морок схлынул.

Ничего ровным счетом не произошло!

Марат хмыкнул. А чего он ожидал? Что вот сейчас, на ночной улице, у его ног перевернется самосвал с денежными купюрами? Или что с ним прямо сейчас свяжутся представители солидной юридической фирмы и, извинившись за поздний звонок, сообщат, что неизвестный двоюродный дедушка из Хайфы оставил ему в наследство пару миллионов шекелей?

Марат расхохотался над собственным идиотизмом, выскочил из перехода на улицу и без сожалений зашвырнул маркер в переполненную урну у остановки.

И остолбенел.

Рядом с урной, едва заметный на темном асфальте, лежал большой мужской бумажник.

Чувствуя, как затряслись руки и мгновенно взмокла спина, Марат воровато оглянулся – не подглядывает ли за ним кто-то на ночной улице? Улица была пуста. Марат сделал глубокий вдох и поднял свою неожиданную находку. Прячась в тени остановки от всевидящего ока уличного фонаря, Марат взвесил бумажник в руке – как минимум, внутри была куча банковских карт, – потом осторожно раскрыл бумажник и заглянул в его кожаное нутро.

Внутри обнаружилась пачка одинаковых розовых купюр. Новеньких, словно недавно отпечатанных – и все же чуть потертых. Купюры явно уже успели пройти не один десяток рук, прежде чем осели ровной стопкой в чьем-то дорогом кошельке.

Марат вынул одну, просмотрел ее с обеих сторон, глянул сквозь купюру на фонарь – водяные знаки и магнитные ленты были на месте. Это была не купюра Банка приколов. Это была самая настоящая пяти тысячная. Марат не выдержал и вдохнул ее терпкий, ни с чем не сравнимый запах.

Больше в бумажнике ничего не было. Ни карт, ни визиток, ни фотографий. Безымянный бумажник хранил в себе только сто пятьдесят тысяч рублей.

Словно во сне, Марат трижды пересчитал свалившуюся на него с неба добычу. Снова оглянулся – свидетелей не было. Сняв с плеча рюкзак, Марат вытащил из бумажника деньги и сунул всю сумму внутрь, на самое дно рюкзака, в толстую замусоленную тетрадь для конспектов. Потом, подумав, выудил одну купюру и сунул ее в карман джинсов – на мелкие расходы. Потом, все еще слыша, как в висках гулко стучит кровь, кинул опустевший бумажник на асфальт, туда, где его и обнаружил. Забирать его он почему-то не решился.

А потом, осторожно, почти с религиозным благоговением, Марат достал из кучи мусора черный маркер.

Он держал в руках ключ от Вселенной. Волшебный жезл, повелевающий стихиями. Сонм марвеловских супергероев, вкупе с мифическими богами и вполне реальными правителями стран и континентов, могли пойти к черту. Отныне он, Марат, будет решать, как обстоят дела в этой Вселенной!

Он снял с маркера колпачок и вывел трясущейся от адреналина рукой, прямо на стене остановки: «Света, вернись ко мне!».

У нее были яркие голубые глаза, и Марат, в который раз вглядываясь в них, чувствовал, как земля уходит из-под ног. Какая же она все-таки классная! Он изо всех сил старался не выдать своих эмоций, невозмутимо потягивая остывший кофе и пытаясь особо не смеяться, когда Светка рассказывала очередную историю. Но внутри он торжествовал! Света явно пыталась произвести на него впечатление, стреляя глазками и кокетливо накручивая локон на палец. И, в конце концов, это она ему позвонила. Сама! Буквально через минуту после того, как он вывел несколько слов на обшарпанной стене автобусной остановки. И предложила встретиться. Прямо сейчас. Где угодно. И вот они сорок минут спустя сидят на втором этаже круг-

лосуточного кафе на Павелецкой, и Светка – его обожаемая Светка – уплетает чизкейк и мило щебечет, рассказывая, что у нее в жизни произошло за те полгода, что они не встречались.

Видеться – виделись, мельком, в универе. Но после того, как Светка не особо тактично сообщила ему, что не чувствует перспективы в их отношениях, Марат предпочитал с ней не пересекаться. Не чувствует перспективы! Хорошая отмазка. Уже пару дней спустя он узнал, с кем именно Светка почуяла перспективу – с хамоватым старшекурсником Сомовым, чей папаша владеет сетью обувных магазинов. Куда ему, Марату, до университетского мажора средней руки?

Все эти полгода слиплись для Марата в серую череду одинаковых дней. В первые недели он буквально на стену лез от черной тоски по Светке. Потом ему стало немного легче, а в последний месяц казалось, что он и вовсе больше не скучает. И только сейчас, увидев ее снова, Марат понял, что ничего не изменилось! Он так же очарован ею, как в их первую встречу, и с трудом останавливает себя от того, чтобы сграбастать Светку и начать раздевать ее прямо на липком столе дешевой закуской.

Словно уловив его мысли, Светка умолкла на полуслове, прервав пустяшную историю о заболевшей кошке, и произнесла совершенно другими тоном:

– Я соскучилась.

Сердце Марата подпрыгнуло и рвануло вскачь. Чтобы не выдать тремор рук, Марат сунул их в карманы. Помолчал, неопределенно качнул головой.

– Я тоже, – выдавил пересохшим ртом.

Светка оживилась.

– Знаешь, Сомов редкий придурок! Бросил меня из-за какой-то... Не важно! В общем, мы с ним уже месяц не встречаемся. А сегодня... буквально час назад, или меньше, я вдруг подумала о тебе... Случайно по радио ту нашу песню услышала, помнишь? Эда Ширана. И всё, у меня внутри как будто всё перевернулось! Котик! Начнем с начала?

Светка пересела к Марату на диванчик и прижалась к нему. Марат слышал, как пахнут ее духи, и у него кружилась голова.

– Я такая дура была... – промурлыкала Светка. – Ты же меня простишь?

Марату показалось, что его сейчас разорвет от эмоций. Закусив губу, он отстранился, вскочил с диванчика.

– Мне... надо подумать... – пробормотал он. – Я... в туалет.

Марат быстрым шагом прошел в конец зала и дернул на себя серую дверь. Вошел внутрь, шагнул в первую открытую кабинку, нажал на кнопку слива, и в унисон с шумящим потоком воды издал долгий ликующий вопль.

Да! Получилось! Светка сама приползла к нему, заискивая и виляя хвостом! Сбываются мечты!

Боже, неужели всё так просто? Управлять ходом вещей одним росчерком маркера?

Марат автоматически сунул руки в карман худи, сжав маркер, который он теперь носил с собой, не желая оставлять в рюкзаке. Волшебная палочка всегда должна быть при нем! Вот он, предмет, который позволит ему переписать свою жизнь так, как ему хочется!

«А что, если это совпадение?», поинтересовался вдруг внутренний голос. Марат напрягся. А, правда? Бумажник с деньгами он нашел случайно, Светка действительно по нему соскучилась, а танцы в переходе – это просто нервное?

Марат хмыкнул. Совпадение? А вот мы сейчас и проверим! Кажется, Светка недостаточно активно упрасивала его возобновить отношения. Прощения так не просят!

Недобро ухмыльнувшись, Марат достал маркер, осмотрел кабинку и, примерившись, написал прямо на двери: «Света сосет мой х**».

Почти сразу хлопнула дверь, и в гулком помещении послышались легкие шаги.

Марат, уже зная, кто вошел в туалет, распахнул кабинку.

– Вот ты где! – выдохнула Светка.

Она вошла в кабинку, закрыла дверь и спустя секунду уже расстегивала жадными руками хлипкий ремень на его брюках.

Светка опустила на колени... Марат прикрыл глаза.

Такси ждало у тротуара, метрах в ста. Обнимая хихикающую после спонтанного секса в туалете Светку, Марат вел ее к машине. Она сама вызвала такси, сообщив, что сейчас они едут к ней домой, где она продолжит замаливать вину за их разрыв, с удвоенной силой.

Марат чувствовал себя на вершине мира!

Тем неожиданней был толчок, который пришелся ему в плечо.

– Отдай! – зло выкрикнул знакомый голос.

Марат обернулся – перед ним стоял подросток из перехода. Бывший хозяин волшебной палочки.

И ведь как-то выследил их, сученыш!

– Отвали! – бросил Марат, ускоряя шаг.

Но подросток сдаваться не намеревался – разбежавшись, он боднул Марата в бок так, что Марат едва не упал. Светка тоже с трудом удержалась на ногах.

– Котик, это кто? – поинтересовалась она растерянно.

На Светку подросток не обратил внимания – он снова бросился на Марата.

– Да отвали ты! – процедил тот возмущенно, пытаясь отцепить от одежды крепкие руки мелкого прилипалы.

Сопя и молча толкаясь, пацан из перехода все пер и пер на него, не собираясь сдаваться. Наконец, Марат не выдержал, бросил рюкзак и, ухватив преследователя за плечи, как следует крутанулся вместе с ним вокруг своей оси. По инерции, пацана отбросило на асфальт. Марат упал на одно колено, но тут же вскочил.

– Не хрен пошел! – заорал он как можно грознее. – Зашибу!

Парнишка с трудом поднялся с асфальта, зашипел, как дворовый кот, потирая руку. А потом вдруг совершил молниеносный бросок к Марату и схватил что-то возле его ног.

– Лошара! – торжествующе пропел подросток, вздев в руке свою добычу.

Марат пришел в ужас. В руке парня был маркер, который, видимо, вылетел из кармана во время схватки.

Показав Марату средний палец, мальчишка рванул в темные дворы.

– Сторожи рюкзак, я сейчас! – крикнул Светке разозленный Марат и бросился следом.

Твою мать! Твою мать! Твою мать!

Проклиная собственную беспечность, Марат изо всех сил мчал за грабителем, пытаясь сократить расстояние. Расстояние сокращаться не желало.

На полном ходу они пронесли мимо детской площадки, проскочили автомобильную стоянку по дворе, виляя мимо машин, миновали длинный забор какой-то школы и выскочили на пустырь, в дальнем конце которого виднелась темная махина строящегося дома. Марат чувствовал, что сил остается все меньше – а гадский мальчишка все бежал вперед, не сбавляя скорости. Остановившись на мгновение, перевести дух, Марат увидел, что парень добежал до забора стройплощадки и пытается перелезть на ту сторону.

Ярость и страх, что он может упустить гаденыша на громадной территории новостройки, придали Марату сил, он рванул вперед через пустырь и успел ухватить прыткого парня за ногу, когда тот уже сидел на заборе. Дернул вниз, и долговязая фигура рухнула на землю.

Парень заорал матом, Марат набросился на него и уселся сверху.

– Маркер вернул, быстро! – с ненавистью прохрипел он, лоя молотящие по его лицу руки.

– Нога! – хныкал парень. – Больно!

Не поддаваясь на жалостливую провокацию, Марат принялся обыскивать парня. Тот вертелся ужом, но Марат успел нащупать маркер в кармане его куртки и вытащил вожделенный предмет. Встал – и тут же был снесен с ног подскочившим оппонентом. Вырвав из рук Марата маркер, парень, хромая, помчал через пустырь обратно во дворы. Марат, весь теперь состоящий из ненависти, ринулся следом и настиг верткую сволочь на краю освещенной детской площадки, буквально прыгнув ему на спину.

– Не смей! Забирать! Мой! Маркер! – орал он, с силой колотя парня головой об асфальт. Тот издавал жалобный вой, а потом внезапно извивающееся тело затихло.

Марат перевел дух, торжествуя поднял выкатившийся из ослабшей руки подростка маркер, сунул в карман и, поднявшись, пнул растянувшего на асфальте притворщика.

– А теперь домой вали, придурок!

Тело не шевелилось.

Марат склонился над парнем, чтобы дернуть того за капюшон – и в ужасе отшатнулся. На асфальте, рядом со светлой всклокоченной головой растекалось странно блестящее в свете фонаря влажное пятно.

Страшная догадка обожгла внутренности.

– Эй! Ты его там насмерть уштал, что ли? – поинтересовался нетрезвый голос.

Марат поднял глаза. За ним с хмурым интересом наблюдала компания парней, распивающих в тени цветастого деревянного домика алкоголь.

Марат попятился. Под фонарем он весь был как на ладони. Они наверняка хорошенько запомнили его лицо.

Бежать! Главное, унести ноги, а дальше он разберется!

Марат повернулся и рванул, куда глаза глядят.

– Держи! Он пацана убил! – загомонили за спиной сразу несколько голосов. – Педофил, наверное!

Марат бежал, не разбирая дороги, перескакивая через низкий кустарник, минуя клумбы, дворовые шлагбаумы и натянутые тут и там на скамьи. Наконец между домами появился выезд на освещенный проспект, где он с легкостью сможет поймать такси. Но тут его подвели уставшие ноги – Марат споткнулся о неприметный низкий заборчик, с размаху полетел головой в кусты и с тоскливой безысходностью почувствовал, как на него наваливается сразу несколько тяжелых тел.

Он пришел в себя только в полицейской машине. Произошедшее до этого спрессовалось в один пестрый бессмысленный поток кадров. Вот поймавшие его нетрезвые рожи что-то выкрикивают ему в лицо, волоча обратно к детской площадке. Вот во двор въезжает машина скорой помощи. Вот перепуганную рыдающую Светку допрашивают люди в форме. Вот врачи прямо на земле пытаются реанимировать неподвижное тело в капюшоне, больше похожее на тряпичную куклу с кровавой маской вместо лица.

Все это происходило не с Маратом. Все это словно крутилось на черно-белом рваном экране, а сам Марат наблюдал за происходящим из темного зрительного зала, со стороны. Наконец, экран погас, а сам он понял, что сидит на заднем сиденье полицейской машины, прижавшись лбом к стеклу.

Ночь. Улица. Фонарь. Холодок наручников на запястьях.

По ту сторону стекла, в распахнутые двери огромной машины скорой помощи врачи грузят тело, завернутое в темный блестящий мешок.

«Вот ты и допрыгался, дружок!», произнес с издевкой внутренний голос.

Внезапно губы Марата сами растянулись в кривой ухмылке.

В смысле, допрыгался? Нет, нет, нет, ни хрена подобного!

Он же повелитель Вселенной! Гребанный Гарри Поттер. У него же в кармане штанов – волшебная палочка!

Осторожно, стараясь не привлекать к себе внимания водителя, совсем молодого парня в полицейской форме, который залип в своем смартфоне, Марат потянулся к боковому карману штанов и аккуратно расстегнул пуговицу. Медленно, стараясь не шуршать, кончиками пальцев вытянул из кармана маркер. Перехватил его поудобнее, насколько позволяли скованные наручниками руки, и аккуратно снял колпачок.

Ему сейчас подойдет любая поверхность!

Подглядывая в зеркальце заднего вида – не видит ли водитель? – Марат осмотрел салон машины и остановил свой выбор на спинке сиденья водителя. Идеально!

Он приложил кончик маркера к серому шершавому дешевому кожзаму и написал:

«Я никого не уби...».

Внезапно черная линия кончилась. Еще на слове «никого» яркость маркера начала тускнеть, но после буквы «и» краска словно высохла! Маркер перестал оставлять буквы на поверхности.

«Ну, же, давай!» Марат в панике снова начал выводить слово – безрезультатно!

Задыхаясь от ужаса, Марат сунул кончик маркера в рот, поплюнул его – как в детстве – и снова принялся писать. Ничего! Маркер отказывался писать!

– Пожалуйста! – шептал Марат, снова и снова пытаясь выдавить из пустого маркера вожащенное слово. – Ну, пожалуйста! Пиши! Я никого не убивал!

Водитель среагировал на его шепот, обернулся.

– Ты что там возишься?

– Я никого не убивал! – заорал Марат.

Хлопнула дверь.

– В отделении расскажешь! – незлобиво сообщил второй полицейский, устраиваясь на сиденье.

Машина тронулась с места и выехала на освещенный ночной проспект.

Мадонна с младенцем

В длинном переходе с Павелецкой Кольцевой на Радиальную сидела попрошайка. Груда тряпья, отдаленно напоминающая человеческую фигуру, усевшуюся на коленях. Длинная засаженная коса, заплетенная грязной лентой. Объемная, покрытая подозрительными пятнами сумка, набитая разнообразным скарбом. Пластиковая бутылка со срезанным верхом для сбора денег. Помятая картонка с кривой надписью: «Помогите, ради бога». Настя, пренебрежительно изогнув бровь, прошествовала мимо, стараясь глубоко не дышать – чтобы не уловить наверняка исходивших от фигуры миазмов – двинулась дальше к маячившей впереди двойной арке выхода на станцию, но внезапно замедлила шаг.

Ей показалось, что под двумя дырявыми пледами, в которые попрошайка закуталась с головы до ног, у нее был младенец.

Настя остановилась. Поставила трек в плейлисте на паузу. Нахмурилась. Что ей, больше всех надо? Повертевшись на месте, Настя сделала шаг к выходу на станцию. Потом развернулась к попрошайке. Затем снова рванула к выходу – но какая-то невидимая сила остановила ее и заставила вернуться к сгорбившейся на полу фигуре.

Настя никогда не считала себя борцом за справедливость. Но сейчас ей почему-то захотелось вмешаться. Одно дело, если какая-то цыганка или просрочившая визу филиппинка выпрашивает деньги в метро на обратный билет и бутылку дешевого алкоголя. Другое – если она украла для этих целей невинного ребенка. В таком случае Настя сдаст ее в полицию. Или, в крайнем случае, сфотографирует эту гадину и запостит ее физиономию в соцсетях.

В то, что у попрошайки может быть свой собственный ребенок, Настя не верила. В свое время, подрабатывая колумнистом в студенческом онлайн-издании, она помогла подготовить журналистское исследование на тему воровства малышей для подпольного бизнеса по выкачиванию денег из доверчивого населения. А даже если это ребенок попрошайки, пусть им занимаются социальные службы.

Немножечко гордись собой – не зачерствела еще душа! – Настя нависла над фигурой, устроившейся на полу. Кроме них двоих, в переходе практически никого не было: час поздний, метрополитен скоро закрывается.

– Чей ребенок? – требовательно поинтересовалась Настя, на всякий случай приоткрыв смартфон для записи видео.

Попрошайка пошевелилась, стянула с головы угол пледа, который она использовала в качестве капюшона, и подняла затуманенный взор. Ее темные зрачки смотрели сквозь Настю в неведомые и недостижимые дали. Да она же в хлам обдолбанная!

Настя внимательно осмотрела скрючившуюся фигуру – так и есть, в руках попрошайка сжимала куль тряпья, из которого виднелась крохотная детская ручка.

– Украла ребенка? Признавайся! – строго приказала Настя и навела на попрошайку камеру.

Попрошайка сфокусировала на ней мутный взгляд.

– Это мой! – треснувшим голосом проговорила женщина.

Настя хмыкнула. На вид попрошайке было не меньше сорока – изможденное лицо, тяжелые мешки под глазами. Какие в таком возрасте младенцы?

– Хорош заливать! Я тебя сейчас копам сдам!

Попрошайка не двинулась.

– Денег дай! – хрипло попросила она, словно не понимая, что происходит.

Настя, разозлившись, наклонилась и, преодолев отвращение, отодвинула тряпки, прикрывающие лицо ребенка. И отшатнулась. Лицо младенца было абсолютно синюшного цвета!

Настю замутило. У попрошайки на руках мертвый младенец! Восковое кукольное лицо, мраморные веки, сомкнутые, отдающие синевой губы. Она либо накачала его какой-то гадостью, чтобы не плакал, либо уморила голодом!

Настя навела на фигуру в тряпье смартфон и включила запись.

– Это улика! – громко сообщила она. – Убийца!

Женщина с ребенком ожила. С неожиданной проворностью она вскочила с пола, схватила бутылку с мелочью, сунула ее в сумку, закинула сумку на плечо – и не успела Настя глазом моргнуть, как попрошайка уже неслась, прижимая ребенка к животу, в сторону Кольцевой. На полу осталась забытая картонка с призывом о помощи.

Настя на мгновение замешкалась, а потом, словно ищейка, в приступе какого-то странного азарта погналась за женщиной с ребенком, не переставая снимать.

Возможно, сегодня именно тот день, когда она сотворит доброе дело! Или продаст материал в какое-нибудь издание.

До самого выхода Настя преследовала попрошайку в довольно высоком темпе, но странная женщина, еще минуты назад находившаяся буквально в анабиозе, теперь скакала через две ступеньки на эскалаторе и мчалась вперед как спринтер-олимпиец. К моменту, когда Настя вслед за фигурой в развевающихся тряпках выскочила на улицу, она успела изрядно запыхаться и вспотеть. Но злость гнала вперед, и Настя не сбавляла ходу. Хорошо хоть, она сегодня не на каблуках!

Оказавшись на улице, попрошайка кинулась вдоль по Новокузнецкой, стараясь держаться подальше от фонарей. Миновала темную громаду собора и шмыгнула в переулок. Настя притормозила перевести дух, остановила запись на смартфоне, чтобы не сажать аккумулятор, и ринулась следом.

Тьма в переулке почти поглотила беглянку, но Настя слышала торопливые шаркающие шаги впереди. Крадучись, она шла следом, размышляя, не бросить ли затянувшуюся погоню и не вернуться ли в метро? Ну что она, так и будет, как идиотка, колесить по ночным улицам за неизвестной столичной попрошайкой, коих в городе легион? Тоже мне, Супервумен! Ребенок на руках попрошайки совершенно точно мертв, за время погони он не издал ни звука. Помочь ему уже невозможно... «Что тебе, больше всех надо?», снова заинтересовался внутренний голос.

Внезапно женщина впереди остановилась – Настя нырнула за угол павильона с газетами – оглянулась, и, удостоверившись, что настырная девица больше не висит у нее на хвосте, направилась к длинному девятиэтажному дому. Настя осторожно двинулась следом. Будет круто, если попрошайка привела ее к своему логову – наверняка, она обитает в каком-то притоне! Насте останется только запомнить адрес и отправить его вместе с видеозаписью в какой-нибудь «Лайф.ру».

Женщина подошла к крайнему подъезду, набрала код и вошла внутрь. Настя совершила стремительный бросок, едва не поскользнувшись на первом ноябрьском льду, и успела ухватить кончиками пальцев почти закрывшуюся дверь. Подождала, дав время женщине подняться по ступеням или вызвать лифт, и проскользнула в подъезд.

Судя по звукам, попрошайка уехала на лифте. Настя стоял в полутемном подъезде, прислушиваясь к дребезжанию кабины. Вот двери лифта открылись где-то наверху, этаже на шестом – судя по удаленности звуков. Закрылись. Потом едва слышно хлопнула дверь, и в подъезде воцарилась тишина.

Настя нажала на кнопку вызова лифта. Надо хотя бы примерно определить, на каком этаже живет женщина с мертвым ребенком. Можно прямо туда вызвать полицию и снять обыск в притоне на видео. Довольная своим планом, Настя поехала вверх.

Выйдя на девятом – чтобы обследовать все этажи – Настя осмотрела три металлических двери. Прислушалась – за всеми царил тишина. Решив, что здесь нет ничего подозрительного, по лестнице спустилась на восьмой. Одна из дверей на этом этаже была не металлической, а обшарпано-деревянной. Самый раз для притона! Настя приложила к ней ухо – за дверью негромко бормотал телевизор, и пару раз гавкнула собака.

Вряд ли собаку держат в квартире с мертвым младенцем. Поколебавшись, Настя спустилась на седьмой.

Здесь тоже все, вроде бы, было обычным. Три разнокалиберных металлических двери. Половинка пластиковой бутылки, наполненная окурками. Листовка с рекламой доставки пиццы, приклеенная возле лифта. Настя поколебалась, а потом снова глянула на бутылку с окурками. Она была обрезана так же, как та, в которую попрошайка из метро собирала деньги! Попалась!

Настя внимательно осмотрела дверь, возле которой стояла самодельная пепельница. Подкралась поближе. Прислушалась. Там, за дверью ей почудился гул множества голосов. А потом она вдруг поняла, что квартира не заперта! Между косяком и дверью виднелась щель.

У Насти родилось смутное ощущение, что ее здесь ждали!.. Поколебавшись, она толкнула дверь и вошла внутрь.

Воздух в квартире был спертый, кисловатый, как в прачечной, в которой сушат плохо постиранную одежду. Настя стояла в длинном сумрачном коридоре, заваленном старой стоптанной обувью. Тут же валялась и сумка попрошайки, которую она бросила в углу. На вешалке горбом топорщилась груда заношенных пальто и курток. Где-то в глубине квартиры негромко играла музыка, послышался женский смешок, хлопнула дверца холодильника.

Из одной комнаты в другую прошла женская фигура – это была светловолосая, совсем молодая девушка в заношенном халате. Скользя по Насте рассеянным взглядом, девушка пропала.

Сбросив с себя странное оцепенение, Настя двинулась в глубь квартиры.

Двери в комнаты были открыты, но занавешены выцветшими гардинами. Настя заглянула за одну из тряпок – в небольшую комнатку были втиснуты сразу три двухъярусные кровати, сбитые из досок. По углам высились горы пакетов, набитых тряпками и обувью. Обитатели комнаты – четыре женщины неопределенного возраста в заношенной одежде – лежали или сидели на своих кроватях. Кто-то дремал, кто-то бессмысленно пялился в экран смартфона. И у каждой на руках был младенец!

Появление Насти никто не заметил – все женщины словно были объаты непонятным дурманом. Младенцы тоже молчали – каждый из них крепко присосался к груди своей кормилицы. Настя смотрела, как ближайшая к ней смуглая черноволосая пышка лет тридцати, без стеснения вывалив груди, кормит ребенка – крохотные младенческие губки плотно сжимали темный сосок.

Настю отчего-то передернуло от этого зрелища. Она скрылась за занавеской и заглянула в другую комнату. Это было пространство побольше – сюда поместилось четыре двухъярусных кровати. И эта комната так же, как предыдущая, была полна дремлющих или вяло переговаривающихся женщин с младенцами, которые не переставая, сосали грудное молоко.

Настя шагнула в коридор и налетела на приземистую дородную фигуру.

– Добрый вечер! – произнесла фигура низким прокуренным голосом.

Настя отшатнулась и выхватила из сумки смартфон.

– Я снимаю! – угрожающе сообщила она. – Видите? Я все снимаю... и стримлю в интернет. Понятно?

Про стрим Настя соврала. Но сейчас, в самом сердце странного притона, полного неадекватных наркоманок и преступниц, ворующих младенцев, Настя вдруг почувствовала себя совершенно незащищенной. И вранье про прямой эфир показалось ей спасительной соломинкой.

– Я сейчас... полицию вызову! И вас всех повяжут! – сорвавшимся голосом добавила Настя, страшно жалея, что поддалась порыву и решила поиграть в борца за справедливость. – За киднеппинг знаете, сколько дают?

Фигура не испугалась.

– Может, я смогу тебя чем-то заинтересовать?

Не дожидаясь ответа, обладательница прокурорного голоса двинулась на кухню. Настя, поколебавшись, пошла следом. Чем эта директриса притона – а в том, что неопрятная тетка тут главная, сомнений не было – сможет ее удивить?

Когда она вошла на кухню, на липком, заставленном чашками столе лежали две стопки пятитысячных купюр.

«Директриса» уже сидела за столом, держа в руке недоеденный бутерброд с дешевой вареной колбасой – откусывая, она клала еду прямо на грязную клеенку.

Настя растерянно разглядывала деньги.

– Тут двести, – проговорила Директриса.

Настя проглотила слюну.

– Все еще хочешь звонить в полицию? Нас же завтра отпустят, – равнодушно продолжила тетка. – А так у тебя есть уникальный шанс разбогатеть.

Ее губы сложились в неприятную кривую ухмылку.

Настя, поколебавшись, выключила запись. Сунул смартфон в сумку. Обвела взглядом крохотную захлавленную кухню – словно пытаюсь убедиться, что ее саму никто не снимает. Снова внимательно осмотрела деньги. Взяла одну купюру, проверила, есть ли на ней водяные знаки. Купюра была настоящей.

В голове уже запустился невидимый калькулятор. Двести тысяч – это не так, чтобы очень много. И все же – эти деньги позволят Насте закрыть кредитку. Починить ноутбук. Подкинуть денег маме, в Курган – она как раз недавно потеряла работу. И даже, может быть, останется на горящий тур в Индию. Или, на крайний случай, в Египет. А ведь Насте так нужен отдых! Она не была на море уже года четыре. А главное – ей вообще ничего не нужно делать, чтобы получить деньги. Не нужно корячиться на работе или откладывать по паре тысяч, ограничивая себя во всем... Не нужно выпрашивать, унижаясь, у мерзкой начальницы Антонины Эдуардовны дополнительные смены в магазине, чтобы подработать лишнюю копейку. Нужно просто положить купюры в карман. Как в казино. Шальной джек-пот!

Настя колебалась – еще минуту назад она горела желанием совершить доброе дело. Вывести на чистую воду шайку преступниц. И вот, двести тысяч рублей спустя она готова заткнуться, и никто никогда не узнает о странном притоне с ворованными детишками! Но ведь это мафия! У них, так и так, всё схвачено. В полиции. Может быть, в префектуре района. Возьмет Настя деньги, не возьмет – притон от этого не закроется. А она может неплохо поправить свое финансовое положение...

Жизнь вообще нельзя делить на черное и белое. Жизнь – это полутона...

– Что тебе, больше всех надо? – поинтересовалась Директриса, словно прочтя крутившиеся в Настиной голове мысли.

Ее фигура, облаченная в мешковатый вытянутый кардиган и выцветшие шаровары, показалась Насте странной. Она глянула в раскрывшиеся полы кардигана – так и есть! Все это время женщина тоже кормила младенца! Он висел у нее на животе, примотанный к телу тряпками. Настя ощутила подступившую к горлу тошноту – голова младенца была бледной и отдавала синевой. Здоровые дети так не выглядят! А этот ребенок – что крепко ухватился за женский

сосок – был таким же синюшным, как и младенец попрошайки из метро. Он выглядел мертвым. И все же... продолжал сосать грудь!

Как такое может быть?!

Настя присмотрелась – и вдруг поняла, что младенец держится за сосок не губами, а острыми мелкими зубками, которые буквально впились в женскую плоть. Настя отшатнулась – ей показалось, что губы младенца запачканы кровью!

– Берешь деньги? – как сомнамбула, поинтересовалась женщина.

Настя всмотрелась в ее лицо. Глаза, прикрытые веками, не выражали абсолютно ничего! С таким видом лунатики бродят по ночам – тело двигается, а разум спит. Чувствуя, как заколотилось в горле сердце, Настя попятилась.

– Ээээ... – проблеяла она.

Внезапно младенец пошевелился.

Оторвавшись от женского соска – который действительно был покрыт кровью и изрядно изжеван – чудовищный ребенок повернул к Насте свою мертвую голову. Из-под крохотных век выплыли два белесых, почти прозрачных глаза. Настя, не в силах пошевелиться, смотрела в эти немигающие внимательные бельма.

Тяжелый взгляд неживого существа холодной змеей проникал куда-то в глубь рассудка и копошился в нем ленивым щупальцем.

Младенец облизнул окрашенные кровью губы, потом выпростал из-под тряпок крохотную ручку и повелительным жестом указал на купюры – бери!

Настя попятилась, с грохотом уронила стул и выскочила из кухни.

В коридоре она запуталась в еще одной, невесть откуда взявшейся шторе, а когда сдернула чертову ткань, поняла, что отступление к входной двери отрезано. Обитатели проклятой квартиры хлынули в коридор. Они толпились в дверях и пытались рассмотреть Настю из-за спин друг друга. Но не женщины глядели на нее – а синюшные, запачканные кровавой пищей уродцы на руках своих кормилиц. Они сканировали Настю холодными рыбьими глазами и скалили свои крохотные острые зубки.

Кажется, Настя закричала. С остервенением принялась прорубать себе путь сквозь сомнамбулические женские фигуры, без жалости расшвыривая их в стороны. Пнула кого-то ногой. Едва не упала, с омерзением сдернула с плеча цепкую руку. Добралась до входной двери, чудом с первого раза отперла замок и выпала из проклятой квартиры на лестничную клетку! Но прежде, чем Настя успела добежать до лифта, ее настиг пронзительный детский плач.

Надсадный, полный страдания крик, перешедший в рыдания.

Настя замерла. Тело ее окаменело, сердце тоскливо сжалось. Рука, протянутая к кнопке лифта, безвольно повисла в воздухе. Младенец в глубине квартиры все плакал и плакал, всхлипывая и захлебываясь, и Настя, не в силах сопротивляться, развернулась и медленно пошла на зов.

Настя просит милостыню, сидя на полу на старом потрепанном одеяле. На ее плечах – не по размеру большое, но теплое пальто, защищающее от гуляющих по переходам сквозняков. Настя не одна, на руках она держит существо... которое очень сильно в ней нуждается. Кажется, это младенец. Но чей это ребенок – её, или просто кто-то дал ей его подержать – Настя не помнит. Своего имени она не помнит тоже. В ее голове светит яркое гоанское солнце, и едва слышно перешептываются ленивые индийские пальмы.

Когда она иногда приходит в себя, Настя не может понять, почему находится в полутемном сыром подземной переходе. Сквозь гул идущих за стеной поездов до нее иногда словно долетают отзвуки ее старой, навсегда сгнувшей жизни. И тогда она крепче сжимает в руках картонку с кривой надписью: «Помогите ради бога!».

Вселенная номер два

Улица возле дома была наполовину погружена во тьму – основную часть фонарей еще не подключили, и только у подъезда ярко горели две лампы на козырьке.

– Чел, когда вам уже освещение врубят? – спросил Дима, притормозив на углу дома, чтобы не заезжать на парковку.

– Фиг его знает, – пожал плечами Кирилл. – В половине подъездов еще лифты через раз работают. Хотя по документам дом полностью сдан. Лан, спасибо, что довез! Я б сейчас на такси разорился.

Кирилл пожал другу руку.

– Недельки через две окончательно расставлю барахло, и прибухнем по случаю новоселья, – пообещал он.

– Забились! – кивнул Димон.

Кирилл вышел из машины, и Дима, помахав на прощанье, резко стартовал с места – в своей шумахерской манере. Пустая дорога вокруг недавно сданного гигантского жилого комплекса позволяла беззаботно лихачить.

Кирилл глянул на темную громаду нависших над ним высоток – в «человечнике» светились от силы окон сорок на всю махину в шесть исполинских домов – и вошел в свой подъезд.

Внутри неприятно пахло краской и мокрыми досками. Заметив, что двери одного из лифтов вот-вот закроются, Кирилл рванул вверх по ступенькам, добежал до лифта и успел сунуть носок кроссовка в исчезающую щель между створками. Лифт, поколебавшись, снова открылся. Кирилл, довольный своим проворством, вошел внутрь и нажал на 12-й этаж.

В лифте появилось зеркало. Еще утром, когда Кирилл уезжал по делам, его не было – но вот теперь Кирилл смотрит на себя в большой зеркальный квадрат, по углам которого еще виднеется не до конца сорванная фабричная пленка. Удивленный, как никому до него не пришло в голову ее отковырять, Кирилл с удовольствием, как шкодливей школьник, подцепил кусок плотного синего полиэтилена и содрал его одним движением. Смял пленку, кинул синий шарик под ноги – пусть с ним завтра разбираются коммунальные службы. Осмотрел себя в зеркало, которое кто-то уже успел заляпать жирными пальцами. Поправил волосы, с неудовольствием отметил намечающийся прыщик на подбородке.

В этот момент лампа над головой мигнула – раз, другой, – и погасла. Лифт вздрогнул всем своим стальным телом и остановился.

Кирилл остался в полной темноте. Чертыхнулся. Подождал несколько секунд – лифт и не думал оживать.

– Вашу мать! – выдохнул Кирилл. Только не хватало ему в половине первого ночи застрять в лифте!

Вытащив из кармана смартфон, он включил фонарик и принялся разглядывать кнопки, пытаясь найти ту, что вызывает диспетчера. Лифт, секунду назад бывший гостеприимным местом, превратился в темный тесный ящик, по которому метался луч света. Но едва Кирилл, стараясь не поддаваться панике, собрался ткнуть в красный кругляшок с нарисованным на нем колокольчиком, как лифт опять дрогнул – словно вздохнул – и поехал вверх. Лампа снова уютно засветилась под потолком.

Кирилл спрятал смартфон. Пронесло! А потом какое-то пятно, отраженное зеркалом, привлекло его внимание. Кирилл обернулся – на стене на уровне лица виднелся бурый отпечаток чьих-то пальцев. Удивленный Кирилл мог поклясться, что, когда он входил в лифт, никакого отпечатка там не было!

Или был?

Кирилл всмотрелся в смазанный красный след трех пальцев. Кажется, кто-то ухватился за стену испачканной кровью рукой.

Наверняка, кто-то из рабочих порезался, устанавливая в лифте зеркало. Или это вообще краска! Хмыкнув, Кирилл озадаченно покачал головой. Но в следующую секунду двери лифта распахнулись, и Кирилл, мгновенно забыв о странных отпечатках, вышел на своем этаже.

Разувшись, он, не глядя повесил куртку на вешалку и уронил зонт. Поднял зонт, сунул его на полку и пошел на кухню. Включил чайник. Все это время Кирилл просматривал ленту уведомлений в смартфоне. Наконец, удостоверившись, что интересных новостей и сообщений нет, наскоро сполоснул руки и достал из холодильника пакет молока. Кирилл обожал пить холодное молоко из пакета, и теперь, переехав в собственное, пусть и купленное на родительские деньги жилье, наконец избавился от нравоучений по поводу не гигиеничности процесса.

Сделав пару восхитительных глотков, Кирилл собрался вернуть молоко на полку, но внезапно замер, пораженный увиденным. На пакете обнаружился кровавый отпечаток!

Кирилла заколотило от омерзения и удивления. Осторожно поставив пакет на стол, он внимательно его осмотрел. Так и есть, кто-то брался за молоко измазанной в крови пятерней!

Сердце провалилось в желудок стылой ледышкой. Неужели в его отсутствие в квартире кто-то был? Ну, не мог же он сам порезаться утром и забыть об этом?

Испуганный Кирилл, тщетно пытаясь придумать хоть какое-то логичное объяснение творящейся вокруг чертовщине, бегло осмотрел кухню. На стенах, шкафчиках и прочих поверхностях отпечатков не было. Помедлив, Кирилл двинулся в комнату. Включил торшер, окинул привычный интерьер растерянным взглядом... Здесь тоже все было, как всегда. Кроме балконной двери. Он мог бы поклясться, что запер ее, уходя сегодня утром.

За колеблющейся от легкого ветра занавеской Кириллу почудилось движение. Онемев, он вглядывался в складки полупрозрачной ткани. На балконе явно кто-то был! Кирилл разглядел плечо человека, прильнувшего к боковой стене.

Задохнувшись от страха, Кирилл выскочил в коридор и схватил трясущимися руками кроссовки. Надо валить из квартиры!

А если этот неизвестный хрен с горы запрется изнутри и устроит в квартире пожар?

Кирилл замер. Осторожно выглянул в комнату – движения на балконе не было. Вытащив телефон, Кирилл набрал капслоком: «Чел! Приезжай! У меня по ходу, грабитель в квартире!». Отправил сообщение Диме и принялся лихорадочно прикидывать, что делать дальше.

Звонить в полицию? Хрен они приедут! И даже если приедут, то не раньше, чем через час. Бежать из квартиры Кирилл не хотел. Почему он вообще должен уступать свою квартиру какому-то преступнику?

Он сам его скрутит! Прямо сейчас! А когда приедет Димон, они вдвоем сдадут его в полицию! Довольный придуманным планом, Кирилл окинул взглядом коридор в поисках подходящего оружия... и вспомнил, что в комнате возле кровати лежит гантель. Увесистая гантель восьми килограмм весом. Идеальное оружие нападения!

Досчитав до трех, Кирилл собрался с духом, кинулся в комнату и схватил гантель.

Человек за занавеской не двигался. Но он там был! Этот гад думал отсидеться на балконе! – Слышь! – не очень уверенно выкрикнул Кирилл. – Я тебя вижу! Выходи, сука!

Кирилл поудобней перехватил гантель – но тень с балкона его опередила. Незнакомец кинулся к нему, запутавшись в ткани, Кирилл с остервенением набросился на него. Какое-то время они боролись, сцепившись через занавеску, противник нанес Кириллу несколько чувствительных ударов, а потом Кирилл изловчился и зарядил неприятелю гантелью в голову. Послышался противный глухой стук, и незнакомец тяжело осел на пол.

Кирилл отскочил в сторону. Его била крупная дрожь. Выронив гантель, он какое-то время смотрел на лежащую на полу фигуру. Это был какой-то парень, примерно одного с ним роста и комплекции. «Неужели я его убил?», навязчиво пульсировало в мозгу.

Не может быть! Не убил. Просто оглушил.

С трудом передвигая ватные ноги, Кирилл подошел к лежащему человеку, наклонился и осторожно потянул его к себе за плечо. Податливое тело, словно бессмысленный куль с тряпьем, раскинуло руки и повернуло к свету лицо.

Кирилл уставился на самого себя.

Оглушенный, Кирилл стоял над телом, потеряв счет времени, и пришел в себя лишь тогда, когда заметил, что под окровавленным виском его двойника начала собираться небольшая лужица крови.

Медленно опустившись на пол, чтобы не упасть, Кирилл потер лицо. Случившееся казалось ему дурным сном. Такого не может быть в реальности! Должно быть хоть какое-то объяснение тому, что в его квартиру пробрался некто, донельзя похожий на него самого. То, что они точные копии, Кирилл понял сразу. Стрижка, родимое пятно на шее, у самой ключицы, домашние штаны и футболка. Все было идентичным. Как у самого Кирилла. Даже носки на ногах трупа были точно такими же, в каких сейчас был он сам.

Вселенная глюкнула и выплюнула из своих недр еще одного Кирилла.

И он этого Другого Кирилла убил!

Комната покачнулась. Кирилл отполз к стене и замер, вцепившись в волосы. Может, если хорошенько надавать себе по лицу, он очнется, и этот необъяснимый кошмар кончится?

Из беспомощного оцепенения его вывел звонок в дверь.

Кирилл вздрогнул от неожиданности и вскочил на ноги. Это еще кто?

Дима! Это же Димон! Он прочел сообщение и приехал выяснить, что стряслось! А у Кирилла посреди комнаты – мертвый человек!

Кириллу казалось, еще секунда – и он потеряет сознание. Но внезапно в голове словно включился автопилот. Иначе как объяснить, что Кирилл с неожиданной сноровкой схватил тело, завернул его в лежащий на полу ковер, вытащил на балкон, замаскировал этот громоздкий рулон горой картонных коробок, оставшихся после переезда, и даже успел наскоро вытереть с пола кровь? И уже через пару минут открыл трезвонящему другу дверь.

– Где он? – ввалился в квартиру воинственный Дима с небольшой бейсбольной битой, которую он всегда возил с собой в машине.

Соляной столб – которым Кирилл ощущал себя в последние несколько минут – растянул непослушные губы в кривой улыбке и хихикнул.

– Повелся? – произнес Кирилл.

Дима смотрел на него с недоумением.

– Повелся! – саркастически повторил Кирилл и пошел на кухню. Кажется, какой-то неизвестный Кириллу актер, до этого момента скрывавшийся в глубине его личности, натянул на себя шкуру Кирилла и взялся рулить ситуацией.

Он включил чайник. Достал с полки две чашки. Сунул в чашки пакетики чаю. И весело уставился на друга, стоящего с битой посреди кухни.

– Чувак, ты в норме? – с подозрением поинтересовался Дима.

Кирилл, заметив, что на столе все еще стоит пакет молока с кровавой пятерней на боку, быстро сунул пакет в холодильник и кивнул.

– Слушай, я лохонулся! – произнес он, сам с удивлением вслушиваясь в свои слова. – Сорян! Как дурак, увидел на балконе пальто старое, которое сам же туда и повесил, и чего-то пересрал. Думал, реально кто-то в квартиру влез. Тебе написал, пошел на балкон проверить – и понял, что затупил!.. Прости, а?

Дима все еще взирал на Кирилла с сомнением. Но потом опустил биту и хихикнул.

– Во ты debil!

– Не спорю!

– А чего не перезвонил, не сказал, что все в норме?

– Решил продлить интригу! – хмыкнул Кирилл, наливая в чашки кипятку. – Помнишь, как ты меня разыграл, в Крыму, когда сказал, что медведя видел?

Дима, расплывшись в довольной улыбке, присел за стол.

– Блин, ты бы свое лицо тогда видел! – хохотнул друг. – Я думал, ты прям в трусах пешком в Москву свалишь!

Кирилл достал и положил на стол начатую пачку печенья.

– Короче, мы квиты!

Чаепитие немного затянулось, но Кирилл старался держаться спокойно и как мог, поддерживал диалог с товарищем, который пустился в воспоминания о поездке с палатками к морю, которую они с компанией друзей организовали после второго курса. Лишь изредка бросал выразительный взгляд на часы на стене. Дима, наконец, тоже глянул на циферблат, крикнул: «Бля, уже почти час, что ли?», и поднялся с места.

– Все, я поехал. В следующий раз, блин, если к тебе реально грабители влезут, хрен я тебе помогу! – незлобиво пригрозил друг и направился к входной двери.

Еще через минуту Кирилл запер за Димой замок. На какое-то время, пока друг был в квартире, ему почти удалось забыть о теле, спрятанном на балконе. Но сейчас, когда Димон ушел, у него снова тягостно заныло в груди. Кириллу отчаянно хотелось заорать во весь голос. Вместо этого он, помедлив, вышел на балкон.

Там, отодвинув коробки и отогнув в сторону край паласа, Кирилл долго смотрел в собственное бледное окровавленное лицо. Потом достал из комода спрятанную пачку сигарет, зажигалку, вернулся на балкон и впервые за несколько месяцев закурил.

Закружилась голова. И все же тяжелый дым принес Кириллу облегчение. Облокотившись на перила, он задумчиво смотрел в темноту – туда, где за длинной, чернеющей в ночи лесопосадкой виднелось едва различимое в свете луны старое кладбище. Докурив, Кирилл выстрелил во тьму окурком и едва заметно улыбнулся.

Он никогда бы не подумал, что мертвое человеческое тело может быть таким тяжелым! Завернутый в ковер, его покойный двойник постоянно норовил упасть то в одну, то в другую сторону, и Кирилл сам едва не умер, пока затапливал тело в грузовой лифт, которым обычно не пользовался. Прошла целая вечность, пока Кирилл, надеясь, что его никто не заметит, доволоч рулон со своим двойником сквозь чащу лесопосадки до территории кладбища. Свалив тело у ограды, Кирилл долго приходил в себя – футболка была насквозь мокрой от пота. Наконец, отдышавшись, он предпринял рейд вдоль забора и метрах в пятидесяти нашел широкий въезд на территорию кладбища. Рядом с въездом виднелась огромная яма, заваленная гнутыми крестами и старыми надгробьями. Дотащив до ямы тело своего двойника, Кирилл спихнул его вниз, забросал мусором и принялся засыпать землей. В отсутствие лопаты, делать это пришлось голыми руками. Измазавшись с ног до головы и смертельно устав, Кирилл наконец смог прикопать мертвеца в яме и двинулся домой.

Добравшись до своего подъезда уже в четвертом часу ночи, Кирилл вошел внутрь. Заметив, что двери пассажирского лифта вот-вот закроются, из последних сил рванул вверх по ступенькам и успел сунуть носок кроссовка в исчезающую щель между створками. Вошел в лифт, привалился к стене и прикрыл глаза.

Эмоции притупились. Он словно наблюдал за собой с стороны. И в зеркале, в момент, когда он вошел в лифт, отразился какой-то другой, незнакомый ему человек.

Ровно посередине пути кабина дрогнула и остановилась. Лампочка под потолком мигнула. Кирилл, хмыкнув, выдохнул усталое: «Бля!». Повисев пару мгновений между этажами, лифт снова поехал вверх. «Повезло!», иронично пробормотал Кирилл.

Выходя на своем этаже, он едва не упал, запнувшись за порожек, и ему пришлось ухватиться рукой за стену. Наконец Кирилл дошел до квартиры и ввалился внутрь.

Разувшись, он прошел на кухню, достал из холодильника пакет молока и сделал несколько больших глотков. Окинул усталым взглядом магниты и фотографии на холодильнике. И удивленно замер – среди нескольких фотографий, сюжеты которых он знал наизусть, обнаружилась новая. Он мог поклясться, что раньше этого снимка на холодильнике не было! С маленькой полароидной фотографии – из тех, что ради ностальгического прикола делают на свадьбах и днях рождениях – на него смотрели он сам и Настя. Нарядные, лучезарно улыбающиеся. Кирилл всмотрелся в кадр – позади виднелся свадебный плакат, с частью надписи: «овет да любовь!». Погодите-ка! Да ведь это свадьба Константиновых, которая случилась два месяца назад. Вот только на эту свадьбу он ходил один, и уж точно не фотографировался ни на какой полароид. Да и с Настей они расстались полгода назад!

Что за ерунда? Вернув молоко в холодильник, Кирилл еще раз осмотрел полароидную фотографию. Может быть, это Дима как-то соорудил снимок в фотошопе и успел прикрепить его на холодильник, когда приходил? Дима вообще мастер дурацких приколов! Надо будет позвонить ему завтра с утра и поинтересоваться, что это за фигня. Решив, что хватит с него на сегодня вселенских головоломок, Кирилл пошел в ванную.

Там он долго стоял под душем, ни о чем не думая и ничего, кроме чудовищной усталости не ощущая. Потом, словно придя в себя, принялся тщательно, с брезгливым остервенением оттирать с тела грязь и кровь. Выскреб траурную земляную каемку из-под ногтей. Дважды тщательно вымылся хозяйственным мылом. Наконец, облачившись в сухую домашнюю одежду, вышел на балкон глотнуть свежего воздуха и покурить.

И ровно в тот момент, когда он облокотился на перила, в квартире, в прихожей, раздался какой-то звук. Кажется, это хлопнула входная дверь. Спустя пару мгновений раздался негромкий шум. Возможно, это упал зонтик.

Похолодевший Кирилл вцепился пальцами в перила. Кто-то вошел в квартиру!

Он метнулся в угол и вжался в кирпичную кладку стены, отчаянно надеясь, что незнакомец в квартире его не заметит. К счастью, его присутствие на балконе скрывали занавески. Стараясь не дышать, Кирилл пытался разглядеть сквозь ткань, что творится в комнате.

Пару минут ничего не происходило, и Кирилл уже решил, что его воображение родило фантом. Ну кто посреди ночи может прийти к нему домой? А потом он уловил движение. Осторожные, и все же слышимые шаги. Человек крадучись шел на балкон!

В панике Кирилл осмотрел вещи, сваленные вокруг. Приметил под нагромождением коробок синюю палку от старой швабры, схватил ее и сжал обеими руками. Сейчас он навалит этому козлу!

Не дожидаясь нападения, Кирилл решил атаковать первым – он выскочил с балкона и ткнул палкой наугад, но запутался в занавеске и едва не упал. Противник навалился на него, пытаясь схватить за шею, Кирилл с остервенением несколько раз пнул его. Какое-то время они боролись, сцепившись через ткань, Кирилл чувствовал, что вот-вот одержит верх. На мгновение в просвет между тряпками мелькнуло лицо неприятеля – и Кирилл с ошеломлением понял, что это он сам!

На него напал еще один Кирилл! Второй! Или третий?

Что здесь, на хрен, происходит?

Кирилл от удивления потерял равновесие, попытался что-то крикнуть своему двойнику – но тут в его голову словно на полной скорости въехал грузовик. И Кирилл провалился во тьму.

Из небытия его вернул холод. Еще не до конца придя в сознание, Кирилл ощутил себя куском плоти, лежащей в громадном холодильнике. Сардина, вмерзшая в тушки таких же мертвых сардин. Пошевелившись, Кирилл окончательно пришел в себя и понял, где именно он находится.

Он лежит на кладбище. В яме. Замотанный в ковер и придавленный землей и обломками чужих надгробий. А грузовик – это была восьмикилограммовая гантель.

Кирилл сделал судорожный вдох и сипло расхохотался. Переплет, в который он попал, внезапно показался ему дико забавным. Кажется, он угодил во временную петлю. Или в пространственную. Вот это номер!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.